

Смирнов-Платонов Г. П., прот. Новое произведение графа Л. Н. Толстого [«Гонение на христиан в России в 1895 г.», литограф.]: (Письмо в редакцию «Богословского Вестника») // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 4. С. 129–140 (2-я пагин.).

Новое произведение графа Л. Н. Толстого.

(Письмо в редакцию „Богословскаго Вѣстника“).

Намъ недавно случилось читать на русскомъ языкѣ новое произведение графа Л. Н. Толстого, отлитографированное на отдѣльныхъ листкахъ почтовой бумаги и очевидно распространяемое въ Россіи изъ заграницы. Оно носитъ заглавіе: „Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 году“ и заключаетъ въ себѣ а) письмо графа къ редактору англійской газеты, б) записку о преслѣдованіи духоборцевъ на Кавказѣ лѣтомъ 1895 г., составленную однимъ изъ друзей автора, котораго онъ нарочно посылалъ на Кавказъ для изслѣдованія и описанія этого дѣла, изложенную подъ руководствомъ и редакціей самого графа и наконецъ в) послѣсловіе, въ которомъ графъ Толстой высказываетъ свои сужденія по поводу всего дѣла. Мы считаемъ далеко не лишнимъ для вашихъ читателей, особенно изъ среды духовенства изложить свѣдѣнія объ этомъ произведеніи графа, чтобы духовенство не могло оставаться безотвѣтнымъ въ виду возможныхъ запросовъ въ этомъ дѣлѣ со стороны горячихъ почитателей графа Толстого, которыхъ, къ сожалѣнію, все еще очень много.

Въ письмѣ къ редактору англійской газеты графъ Толстой пишетъ, что слухъ о широкомъ преслѣдованіи русскимъ правительствомъ духоборцевъ на Кавказѣ, начавшемся минувшей весной, расположилъ его послать на Кавказъ своего вѣрнаго друга, чтобы собрать точныя свѣдѣнія о происшедшемъ и изложить въ видѣ обстоятельной записки, что неизвѣстный и сдѣлалъ. Графъ свидѣтельствуетъ, что эти

свѣдѣнія имѣютъ точную достовѣрность, что онъ лично все провѣрилъ и кажущееся ему преувеличеннымъ выбросилъ и что онъ въ этомъ дѣлѣ находитъ заслуживающими вѣры показанія пострадавшихъ сектантовъ, потому что не видитъ для нихъ побужденій исказить истину, но спрашивать другую сторону, представителей русскаго правительства, дѣйствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, онъ находитъ совершенно излишнимъ, такъ какъ имъ должно быть стыдно за свой образъ дѣйствій и потому они были бы вынуждены одни факты скрывать, другіе исказить и т. д. Считая такимъ образомъ устроенную имъ *Записку* образцомъ исторической истины, графъ предложилъ редактору англійской газеты напечатать ее въ Лондонѣ, говоря, что въ Россіи не дозволить напечатать ее цензура. Графъ разсчиталъ съ своей точки зрѣнія, что только такимъ путемъ могутъ пострадавшіе получить свое удовлетвореніе, а виновные, т. е. дѣятели русскаго правительства, свое наказаніе въ ожидаемомъ имъ приговорѣ общественнаго мнѣнія, какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ Европы. Онъ заключаетъ свое письмо обѣщаніемъ дать въ ту же англійскую газету свое *Послѣсловіе*, но только тогда, когда упомянутая записка съ его письмомъ будутъ уже напечатаны. Письмо подписано *Левъ Толстой*, а подъ запиской прибавлено еще „11 сентября, 1895 г. Ясная Поляна“; но да будетъ позволено смѣть... свое сужденіе имѣть. Въ воззрѣніяхъ автора сквозятъ логическіе недочеты и промахи, которые мы постараемся показать, а въ *Послѣсловіи* возстаетъ предъ нами яркій типъ устарѣвшей личности, которая, не говоря ничего новаго, ничего достаточно осмысленнаго и обоснованнаго, дошла до особаго психическаго состоянія, которое мы можемъ назвать несвязнымъ и туманнымъ *выщаніемъ оракула*. Вся эта выходка, т. е. письмо, записка и *Послѣсловіе* въ лондонскомъ журналѣ сильно напоминаютъ намъ дѣятелей старыхъ годовъ на той же почвѣ — Герцена, Огарева и массу неизвѣстныхъ съ пресловутой типографіей Трубнера подъ фирмой „Колокола“, звонившаго, или лучше бившаго въ набатъ на всю Европу по поводу предполагаемыхъ въ Россіи безобразій, страстно раздуваемыхъ безобразниками всѣхъ родовъ и типовъ. Графъ Толстой дальше этого примитивнаго штандпункта не пошелъ; но замолкъ лондонскій „Колоколь“, скоро

замолкнетъ и нашъ „Толстой“, исписавшійся и перешедшій Геркулесовы столбы. Но обратимся къ запискѣ.

„Другъ“ (а не вѣрнѣе ли видѣть въ авторѣ записки самого Л. Толстого?), желая заслужить довѣріе читателей, особенно англійскихъ, или европейскихъ, находитъ нужнымъ ознакомить ихъ прежде всего съ системою вѣрованія, міросозерцанія и быта духоборцевъ, но, излагая въ общихъ чертахъ эту внутреннюю сторону сектанства, онъ развиваетъ только ту одну мысль, что духоборцы положительнаго въ христіанствѣ ничего не признаютъ, начиная съ лица самого Христа, и отрицаютъ всѣ обрядовыя и внѣшнія учрежденія Церкви Христовой, причѣмъ ссылается онъ на извѣстную диссертацию о духоборцахъ Ореста Новицкаго. Наскоро покончивши съ этимъ вопросомъ, авторъ излагаетъ особое стеченіе обстоятельствъ, вслѣдствіе котораго духоборцы на Кавказѣ, которыхъ много въ русскихъ войскахъ, расположенныхъ тамъ, вышли изъ многолѣтняго спокойнаго состоянія, сознали свое ненормальное положеніе, какъ скоро увидали себя съ оружіемъ въ рукахъ на службѣ русскому правительству; такъ сказать внезапно *прозрѣли* и, электризуя другъ друга, сообщили панической характеръ всему движенію, которое явилось предъ глазами воинскихъ начальниковъ, русскихъ жителей и мѣстныхъ инородцевъ, какъ *возмущеніе*, какъ бунтъ, столь же рѣшительный и неподдающийся никакимъ сдѣлкамъ, сколько молчаливый и пассивный. Мы считаемъ лишнимъ излагать стеченіе обстоятельствъ, обострившихъ это движеніе, но для ознакомленія читателей съ этимъ явленіемъ и возникшей противъ него борьбой считаемъ нужнымъ предложить небольшую выписку:

„Днемъ объявленія отказа носить оружіе и исполнять обязанности службы былъ назначенъ первый день Пасхи 1895 года. Нѣкоторая особенность вѣроученія духоборцевъ заключается въ томъ, что они, относясь отрицательно къ церкви, соблюдаютъ церковныя праздники, объясняя себѣ символически ихъ значеніе. И поэтому день Пасхи, считаясь у нихъ праздникомъ, былъ выбранъ умышленно. По обычаю весь баталіонъ долженъ былъ идти въ церковь и послѣ церкви участвовать въ церковномъ парадѣ. Матвѣй Лебедевъ объявилъ своимъ братьямъ, десяти духоборцамъ, служившимъ вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же баталіонѣ,

что на парадъ идти не надо, такъ какъ они всѣ рѣшили сегодня перестать служить. Всѣ десять человѣкъ согласились на это и остались дома въ казармахъ. Когда во время парада начальство замѣтило отсутствіе Лебедева и его десяти братьевъ, то за ними послали дежурнаго солдата. Дежурный принесъ извѣстіе, что они идти на парадъ не хотятъ. Тогда побѣжалъ къ нимъ фельдфебель. Придя въ роту, онъ накинулся на Лебедева съ угрозами и бранью. Сначала Лебедевъ просто заявилъ, что онъ и его товарищи не пошли на парадъ, такъ какъ они рѣшили больше не служить въ военной службѣ, сознавъ, что это противно ученію Христа, которое они исповѣдуютъ. Но, когда фельдфебель сталъ бранить его и угрожать ему разными наказаніями, то Лебедевъ, для подтвержденія своего рѣшенія, вынулъ свое ружье изъ козель и отдалъ его фельдфебелю, подтвердивъ свой отказъ. Тогда фельдфебель испугался этого рѣшенія и, перемѣнивъ обращеніе свое, сталъ просить прощенія за свою брань и уговаривать Лебедева одуматься и измѣнить рѣшеніе. Но Лебедевъ остался непреклоненъ. Въ это время войска съ парада вернулись и поступокъ Лебедева сталъ извѣстенъ начальству. Товарищи Лебедева, духоборы, были въ другихъ роткахъ, и начальство поспѣшило разослать ихъ на посты, чтобы отдѣлить отъ Лебедева. Не зная еще объ окончательномъ отказѣ Лебедева, они повиновались. Лебедева же сталъ уговаривать ротный командиръ, очень любившій его. Лебедевъ пользовался любовью, какъ начальства, такъ и солдатъ своего отдѣленія, плакавшихъ, когда его отъ нихъ уводили. Послѣ увѣщанія слѣдовали угрозы, но и онѣ не подѣйствовали. Тогда ротный командиръ приказалъ его арестовать, и его отвели подъ конвоемъ въ темный подземный карцеръ, такъ называемую „яму“, гдѣ продержали девять дней, строгимъ арестомъ, т. е., давая ему хлѣбъ и воду въ очень маломъ количествѣ. Между тѣмъ остальные десять духоборовъ, вернувшись съ постовъ и узнавъ, что Лебедевъ отказался уже и заключенъ въ тюрьму, также взяли свои ружья и отдали ихъ фельдфебелю, заявивъ свое отреченіе отъ службы, вслѣдствіе того, что она противорѣчитъ служенію Богу и ученію Христа. Ихъ также посадили въ тюрьму, но отдѣльно отъ Лебедева и тщательно слѣдили, чтобы между ними и Лебедевымъ не было

сообщенія. Но сообщеніе это происходило непрерывно, такъ какъ низшіе чины всѣ были за арестованныхъ, и Лебедевъ своими совѣтами поддерживалъ силы своихъ духовныхъ братьевъ. Дѣлу данъ былъ судебный ходъ. Во время слѣдствія на допросахъ на отказавшихся духоборовъ старались подѣйствовать угрозами разстрѣлянія, но они не измѣнили своего рѣшенія; они такъ свыклись съ мыслию о смерти, что были удивлены, когда послѣ суда узнали изъ приговора, что ихъ не разстрѣляютъ. Судили ихъ въ Тифлисѣ 14 іюня, и судъ приговорилъ ихъ въ дисциплинарный батальонъ: Лебедева на 3 года, а остальныхъ на два. Военный прокуроръ остался недоволенъ рѣшеніемъ суда, обжаловалъ его въ высшую инстанцію, и дѣло это еще не кончено. Никто не знаетъ, какая участь ожидаетъ этихъ людей. Теперь они содержатся въ Тифлисѣ въ военной тюрьмѣ, покорно ожидая рѣшенія своей судьбы. Мнѣ удалось видѣть ихъ, хотя и на очень короткій срокъ. Всѣ они бодры духомъ и имѣютъ видъ здоровыхъ, веселыхъ людей, какъ бы готовящихся встрѣтить праздникъ. Вслѣдъ за этимъ случаемъ стали повторяться отказы отъ военной службы солдатъ духоборовъ. Такъ въ городѣ Олты Карской области, на турецкой границѣ отказалось шесть человекъ солдатъ-духоборовъ; въ Карсѣ одинъ, въ Ахалкалакахъ пять, въ Дилижанѣ два. Кромѣ этого зараженные этимъ примѣромъ въ Карсѣ четыре православные солдаты также бросили ружья. Еще одинъ православный отказался въ Тифлисѣ и одинъ въ Манглисѣ. Эти два отказались, получивъ письма отъ родителей, въ которыхъ они увѣдомляютъ дѣтей своихъ, что они, родители, приняли истинную вѣру отъ духоборовъ и считаютъ военную службу грѣхомъ и просятъ дѣтей своихъ, какъ только они услышатъ, что духоборы-солдаты отказываются отъ службы, самимъ отказаться и бросить ружья, что они и исполнили. Всѣ эти люди были арестованы и сидятъ по тюрьмамъ. Про то, какъ принимались властями эти отказы въ другихъ мѣстахъ, духоборы рассказываютъ слѣдующее: вотъ что рассказывалъ мнѣ одинъ духоборъ о пяти человекъ, отказавшихся въ Ахалкалакахъ. Ихъ отвели на тюремную площадь и поставили въ рядъ. Затѣмъ были вызваны казаки и имъ велѣно было спѣшиться (сойти съ лошадей) и зарядить ружья. Видя это, духоборцы попросили

позволенія помолиться. Имъ позволили. По окончаніи молитвы офицеръ скомандовалъ: „шеренга готовься.“ „Шеренга“..... и выдержалъ такъ нѣсколько минутъ. Духоборцы стояли спокойно и ждали команды: „пли“. Но пробилъ отбой, и ружья были опущены. Послѣ этого имъ опять предложили взять ружья и служить; и когда они отказались, то казакамъ велѣно было сѣсть на коней и, обнаживъ шашки, скакать на духоборцевъ; подскакавъ къ нимъ, казаки нѣсколько разъ махнули обнаженными шашками надъ головами духоборцевъ, дѣлая видъ, что хотятъ зарубить ихъ, но на самомъ дѣлѣ не задѣвая ихъ. Духоборцы не измѣнили своего рѣшенія. Тогда ихъ начали сѣчь плетьюми. Я слышалъ о подобномъ же поведеніи властей въ Карсѣ и Елизаветполѣ“.

Мы не считаемъ нужнымъ продолжать дальше выписку подлиннаго текста изъ записки: читатели ясно видятъ, въ чемъ состояло существо движенія и какой характеръ оно носило. Да и самъ „другъ“, авторъ записки, не доводитъ свое изложеніе до конца, а спѣшитъ скорѣй къ заключенію, спѣшитъ къ обѣщанному *Послѣсловію*; дѣло, начавшееся на Пасхѣ, только что разгорѣвшееся лѣтомъ, очевидно не могло окончиться къ концу лѣта, и вотъ *Послѣсловіе* подписано уже одиннадцатымъ сентября. Авторъ записки кончаетъ общими замѣчаніями: „Послѣ экзекуціи стали духоборцевъ выгонять изъ ихъ деревень сначала по 5 семей изъ каждой деревни, потомъ по 10, черезъ нѣсколько дней одна партія послѣ другой. По объявленіи приказа на выселеніе давалось сроку три дня. Въ эти дни надо было собраться, уложиться и распродать свое имѣніе. Продавали все за безцѣнокъ: то, что стоило 50 р. продавали за 5, что не успѣли продавать, бросали. Побросали много скота, и хлѣбъ на корню остался неубраннымъ, такъ что всѣ разорились. Всего выселено изъ Ахалкалакскаго уѣзда 464 семьи и расселены по четыремъ уѣздамъ Тифлиской губ.: Душетскомъ, Гарійскомъ, Тюкетскомъ и Сигнахскомъ, по грузинскимъ деревнямъ, какъ будто съ цѣлью уморить ихъ голодомъ, по 2, по 9 и по 5 семей въ одной деревнѣ, безъ клочка земли и съ запретомъ общенія между собою. Они распродаютъ понемногу свое имущество и работаютъ на грузинъ—бѣдныхъ даромъ, а богатыхъ за небольшую

плату. И не смотря на свое разореніе, продолжают помогать бѣднѣйшимъ“.

Приведемъ и тотъ патетическій финаль, которымъ заключается записка: „я видѣлъ многихъ изъ этихъ великихъ, кроткихъ и сильныхъ людей. Смотря на нихъ и слушая ихъ, мнѣ невольно вспомнились сложныя соціальныя теоріи, многотомныя сочиненія по политической экономіи, имена знаменитыхъ политическихъ агитаторовъ и общественныхъ дѣятелей. Хотѣлось сравнить значеніе дѣятельности тѣхъ и другихъ. Какъ ничтожно кажется духоборческое ученіе среди всѣхъ этихъ знаменитыхъ теорій. А между тѣмъ не къ нимъ ли, къ этимъ духоборцамъ и людямъ, подобнымъ имъ, относится молитвенный возгласъ Христа: „Славлю Тебя, Отче, Господа Неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе“. Въ этомъ думомъ паеосѣ, въ этихъ Евангельскихъ цитатахъ, кто не узнаетъ руки нашего прославленнаго беллетриста графа Толстого, который такъ сознательно, при всякомъ случаѣ практикуетъ свой художественный жанръ и у котораго слова Евангелія не сходятъ съ устъ; только направляются эти слова не къ назиданію, а къ прельщенію, не къ наученію, а къ развращенію, не къ созиданію, а къ разрушенію. Читая новое произведеніе автора и его „друга“, невольно и мы припоминаемъ слова Святаго Писанія: „Языки своими льщаху.. леть во устахъ ихъ.. гробъ отверсть гортань ихъ..“.

Желаніе графа Толстого немедленно было исполнено редакторомъ англійской газеты: его письмо и записка его „друга“ немедленно были напечатаны. Не замедлилъ графъ послать и общанное имъ *Послѣсловіе* на судъ европейской публики; оно также было напечатано въ ближайшемъ номерѣ газеты по его полученіи.

Послѣсловіе начинается такими словами, имѣющими вполне категорическій смыслъ: „Поселенные на Кавказѣ духоборцы подверглись жестокому гоненію со стороны русскихъ властей, и гоненія эти, описанныя въ запискѣ, составленной человекомъ, ѣздившимъ на мѣсто, чтобы узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ, продолжаютъ до сихъ поръ“. Позвольте нѣсколько усомниться въ истинѣ этого

категорическаго тезиса. Русское правительство воздвигаетъ гоненіе на сектантовъ и иновѣрцевъ? правда ли это? Сектантовъ и иновѣрцевъ, въ томъ числѣ подобныхъ духоборцамъ, каковы молокане, шелапуты, штундисты, странники, въ Россіи очень много, и, какъ мы видимъ, въ Россіи вездѣ спокойно, и только на одномъ пунктѣ временно возникаетъ такое явленіе, которое графу угодно назвать гоненіемъ, о чемъ скажемъ далѣе особо. Но гдѣ жъ гоненіе на иновѣрцевъ внутри Россіи, на окраинахъ въ Сибири? Не больше ли мы видимъ обратныхъ явленій—терпимости въ отношеніи ко всѣмъ диссидентамъ, преимуществъ и льготъ, щедро даруемыхъ правительствомъ язычникамъ, мусульманамъ, христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣдованій, раскольникамъ и сектантамъ, даже иногда въ ущербъ православному населенію. Наши миссіонеры въ Сибири давно жалуются на права и обезпеченное положеніе, въ которомъ находятся инородцы Сибири, особенно исповѣдники буддизма и ихъ духовенство. Покойный И. С. Аксаковъ, съ свойственной ему горячностью указывалъ на ту неравномѣрность, какую терпитъ наше правительство между православнымъ духовенствомъ и буддійскими ламами со стоящимъ во главѣ ихъ Далай-Ламой. Покойный Н. И. Ильминскій съ своими сотрудниками по противомусульманской миссіи не разъ жаловался на то твердое положеніе татаръ по всему Поволжью, которое такъ прочно охраняется правительствомъ. Въ трехъ губерніяхъ Прибалтійскаго края лютеранство поставлено такъ твердо и высоко, что во взаимныхъ отношеніяхъ православія и лютеранства иногда даже трудно понять, какое вѣроисповѣданіе находится въ авантажѣ и какое въ загонѣ:—почитайте „Окраины“ покойнаго Ю. О. Самарина, и вы увидите, кому приходилось быть въ загонѣ. Римскій католицизмъ въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ такъ гордо всегда поднималъ свою главу и пользовался такимъ широкимъ покровительствомъ русскаго правительства, что всегда назойливо хотѣлъ быть господствующимъ исповѣданіемъ въ краѣ,—мало того поляки поднимали знамя бунта, бѣжали до лясу, составляли банды косиньоровъ, боролись съ русскими войсками, творили жестокую расправу, вѣшали и косами снимали головы у православныхъ, а оставшіеся въ городахъ обливали сѣрной кислотой рус-

скихъ, и, когда русское правительство предприняло усмиреніе края, то они начали кричать и протестовать, называя это гоненіемъ противъ нихъ, и мѣры М. Н. Муравьева называть безчеловѣчными и незаконными. Всѣ раскольники и сектанты живутъ спокойно, пользуясь гражданскими правами, занимаясь промыслами, сохраняя свои учрежденія, отправляя депутаціи къ правительству и т. д. Можетъ быть не находятся ли въ гоненіи евреи? Если назначеніе пунктовъ осѣдлости и ограниченіе предѣловъ еврейскому гемефтмахерству считать гоненіемъ, то судите, читатель, какъ вамъ угодно. Да и сами духоборцы, во многихъ мѣстахъ, въ гораздо большемъ числѣ живущіе въ Россіи, развѣ подвергаются гоненіямъ? Молокане, шелалуты, штундисты встрѣчаются во всѣхъ губерніяхъ, и никакого гоненія на нихъ никогда не было воздвигнуто. Этихъ бѣглыхъ замѣчаній достаточно для того, чтобы видѣть всю ложь того категорическаго положенія, которымъ начинается свое Послѣсловіе графъ Толстой. *Гоненія на христіанъ*, какъ значится въ надписаніяхъ напечатанныхъ письма и записки, *нѣтъ въ Россіи*. Что же значать тѣ явленія, какія по временамъ открываются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на примѣръ прошлымъ лѣтомъ на Кавказѣ, и какъ назвать отношеніе правительства къ этимъ явленіямъ? Эти явленія называются возмущеніе, мятежь, бунтъ. Отношеніе правительства,—усмиреніе бунтующихъ и въ случаѣ сопротивленія военная экзекуція. Живутъ иновѣрцы спокойно, и пользуются всѣми гражданскими правами и покровительствомъ правительства; возмущаются и оказываютъ сопротивленіе, призывается военная сила и пускается въ ходъ оружіе. О качествѣ причины, отъ которой вспыхиваетъ возстаніе, нѣтъ и рѣчи: та же экзекуція одинаково угрожаетъ и православнымъ, если они рѣшаются на бунтъ; военные команды одинаково ходили усмирять всѣхъ, кто только поднималъ знамя бунта напр. въ эмансипацію крестьянъ, при стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и т. п. При чемъ же тутъ религиозное гоненіе? Если въ случаяхъ нарушенія воинскаго устава проступки противъ субординаціи и дисциплины, а еще болѣе открытое сопротивленіе власти будутъ проистекать отъ душевнаго разстройства или религиозной маніи, тогда наоборотъ приговоры военнаго суда,

по которымъ нерѣдко присуждается разстрѣляніе въ 24 часа, или смягчаются, замѣняются экзекуціей, или совѣтъ отмѣняются. Мы знаемъ случай, когда при отбываніи воинской повинности проступки противъ воинскаго устава требовали страшной кары, а причиною проступковъ было ненормальное психическое состояніе личности, виновные даже мирно отпускались въ свои дома, съ совершеннымъ увольненіемъ отъ военной службы. Стало быть религіозная причина проступка въ военной службѣ вызываетъ не гоненіе, а снисхожденіе.

Но отчего же вдругъ послѣ многихъ годовъ спокойствія вспыхиваетъ въ томъ или другомъ мѣстѣ волненіе? Возьмемъ данный случай. Отчего произошло описанное движеніе между духоборцами? Видите ли, отчего: между этими сектантами, повидимому сильными поборниками духа, претендовавшими на то, чтобы быть носителями Христа въ своей душѣ и жизни, послѣдніе годы обнаружилась явная деморализація. Какъ такъ? поборники духа вдругъ начинаютъ жить разнузданно? Нашлись такіе проповѣдники, которые пошли въ среду духоборцевъ и пламенными рѣчами начали жечь сердца и поднимать духъ. Въ рядахъ этихъ проповѣдниковъ, миссіонеровъ духоборчества, по рассказамъ пріѣзжихъ съ Кавказа, не послѣднюю роль играли „толстовцы“, которыхъ такъ много на Кавказѣ. Не отсюда ли объясняется смыслъ довольно темныхъ словъ въ рѣчахъ графа Толстаго, какъ въ письмѣ, такъ и въ Послѣсловіи, что надо помогать гонителямъ раскрытіемъ ихъ настоящаго несправедливаго положенія и оказывать содѣйствіе гонимымъ, подкрѣпляя ихъ въ ихъ противоположеніи правительству. Цѣль достигнута. Возстаніе разгорѣлось и приняло широкіе размѣры, благодаря общимъ условіямъ паники, а русское правительство вповнато, — зачѣмъ оно предпринимаетъ гоненіе на христіанъ.

На христіанъ! Разъясненію этого обстоятельства, что такое христіане, т. е. духоборцы и всѣ сектанты, въ которыхъ рано или поздно должны обратиться по мысли графа Толстаго и всѣ православные посвящено Послѣсловіе. Это съ одной стороны представители народа, которому принадлежитъ вся будущность; а правительство — это меньшинство, стоящее на ложной дорогѣ, обреченное на саморазложеніе;

такова аргументація графа Толстого, врага всякой государственности и друга всякаго самопроизвольнаго развитія нравственной жизни во всѣхъ фракціяхъ, какія только возможны въ ней. Эта аргументація такъ нелогична, такъ уродлива, что возможна только для психопата; тѣмъ же менѣе авторъ настаиваетъ на томъ, что всякое самопроизвольное развитіе духовной жизни, какъ бы оно ни было разнообразно, будто бы есть истинное осуществленіе Христа и христіанства въ народныхъ душахъ и потому оно будетъ прогрессировать безконечно, а правительство, видите ли, которое только беретъ силой, стоитъ на ложномъ пути, все будетъ идти на убыль, пока не сойдетъ совсѣмъ со сцены..... Да какъ же это можетъ быть? Да какъ же будетъ называться эта новая форма народной жизни? Можетъ быть очевидно путемъ революціи, конечно всеобщей, не только всероссійской, но и всеевропейской; называться будетъ... конечно анархіей, хотя авторъ замѣчаетъ, что новой формѣ народной жизни теперь еще нельзя дать имени, а состоятъ она будетъ вотъ въ чемъ: „не будетъ ни тюрьмъ, ни висѣлицъ, ни войнъ, ни разврата, ни роскоши, ни праздности, ни задавленной трудомъ нищеты, отъ которыхъ стонетъ теперь христіанское человѣчество“.

Итакъ будетъ — *революція, анархія и коммунизмъ*. Только будетъ-ли, вотъ вопросъ. Согласится ли общественное мнѣніе Европы, къ которому апеллируетъ графъ Толстой по поводу кавказскихъ событій съ его доктриной, слишкомъ уже устарѣвшей для Европы, слишкомъ надоѣвшей заграницей, такъ что не только что конституціонное государство, но и республиканская Франція, бросивъ своихъ Ромфоровъ, прибѣгаетъ къ Россіи и беретъ уроки у русскаго правительства, чтобы водворить порядокъ въ странѣ. Отнынѣ нашему психопату-беллетристу идти дальше уже некуда и *графъ Толстой* останется притчей во языцѣхъ. Слова Евангелія Христова не идутъ съ устъ автора. Приглашая всѣхъ къ терпѣнію воображаемыхъ гоненій, онъ утѣшаетъ надеждою будущей побѣды словами Христа: „Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“. Горячо желаемъ, чтобы Евангельскій текстъ, повидимому столь любимый графомъ Толстымъ, овладѣлъ наконецъ не только его устами, но и умомъ и сердцемъ и совершилъ

тотъ спасительный переворотъ въ его тревожной душѣ, который сколько нибудь загладилъ бы то обиліе невѣрія, богохульства и кощунства, разврата и преступленія, горя и проклятія, какое пущено въ ходъ лъстивыми рѣчами этого беллетриста беллетристовъ, этого по истинѣ соловья-разбойника!

Протоіерей Г. Смирновъ-Платоновъ.

12 марта.
1896 г.

Наша статья была уже окончательно написана, когда мы узнали, что графъ Л. Н. Толстой будто-бы протестовалъ въ русскихъ газетахъ противъ русскаго перевода литографированныхъ списковъ его послѣдняго произведенія, появившихся въ Россіи, заявляя, что это — не его переводъ и что переводъ не вѣренъ. По поводу этого куріоза мы замѣтимъ только, что переводъ можетъ погрѣшать въ отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ фразахъ, вообще въ такъ называемой стилистикѣ. Но можетъ-ли эта недостаточность или невѣрность перевода простираться на цѣльный смыслъ статьи, написанной послѣдовательно на извѣстную тему? Этого быть не можетъ. Кого морочить авторъ, рисуясь въ своемъ протестѣ въ качествѣ какой-то жертвы общественнаго недоразумѣнія, въ ореолѣ угнетенной невинности? Вѣдь есть прямое средство провѣрить подлинный смыслъ произведенія: это—англійскій подлинникъ. Но графъ разсчитываетъ на то, что есть русская цензура и на границѣ русская таможня—не добраться, думаетъ онъ, его русскимъ литературнымъ противникамъ до англійскаго подлинника... Ну, а если мы доберемся?...
